

сила выражения своих чувств, очевидно, ненормальны, и, может быть, эта ненормальность и соприкасается с областью психопатии.

7) Страх за свою посмертную славу. А ну, как дневники Л. Н. будут когда-нибудь напечатаны и там окажется, что за С. А., которая и р[аньше] д[ействительно] б[ыла] всегда тяжелым крестом в жизни Л. Н.?

Я уверен, что все выставленные мною 7 причин играли свою роль в скандалах, устраиваемых С. А. в Ясн[ой] Пол[яне].

Ну, а Л. Н.? Его понять труднее. Иногда он доходит до белого каления, шатается, весь бледный и дрожащий, задыхается, с дрожью в голосе г[оворит] о том, что выкидывает *она*. Тогда он понятен. Но это редко. Гораздо менее он понятен, когда он терпелив, но холоден, ласков с С. А., но презрителен, любовен, но под этой любовностью чувствуется лишь одно самообладание и настойчивое исполнение толстовской этики.

Он так же точно и аккуратно утром гуляет, до завтрака занимается, после завтрака верхом ездит, перед обедом отдыхает, после обеда в шахматы играет. Все так же он любит беззавестно Черткова и все так же, я думаю, в глубине души презирает С. А. Когда-то он сказал дочери Маше: «Когда я слышу ее торопливую походку, приближающуюся к моему кабинету, руки у меня начинают трястись от негодования». С годами, думаю, что негодование мало-помалу переходит в более спокойное презрение. Но удивительны перемены в человеке! Сейчас вспомнил, как в одном из писем к Ал. Андр.¹¹ лет сорок восемь тому назад Л. Н. пишет: «Не могу больше писать, слышу ее торопливые шаги, и кровь подымается к горлу, и чувствую приливы радости и счастья»¹². В этом наружном спокойствии и самообладании есть, вероятно, доля и эгоизма, причем вспоминаю, что брат его С. Н.¹³ о нем говаривал: «Да ведь Левочка эгоист махровый»¹⁴.

Но хотя поведение Л. Н. мне и не вполне понятно, все же не могу не преклоняться пред той выработкой своего характера, которой он достиг упорной работой над собой, не могу не завидовать тому, какую первенствующую роль стала играть для Л. Н. в мудрых разрешениях сложных жизненных вопросов его религия.

8 сентября. У нас в Кочетах с 15 авг[уста] гостили Л. Н. с Сашей, Маковицким¹⁵ и летающей взад и вперед С. А. К нам он перебрался, чтобы хоть на время отдохнуть от постыдных сцен, которые ему устраивает С. А. Все надеялись, что она останется в Ясной, но в последнюю минуту она тоже собралась и прикатила со всеми. Несчастное, но и не вызывающее к себе симпатии существо!

У нас она пока держится не столь распушенно, как в Ясной, но болтает много и, стараясь осрамить Л. Н., конфузит только себя. Я ей постоянно это внушаю, но, конечно, результатов мало. Ведь действительно в глазах даже тех людей, которые могут сочувственно отнестись к ее борьбе с Чертк[овым], она теряет очень много и самое искреннее сочувствие обращает в искреннее негодование своей бесстыжностью, бестактностью, непорядочностью, мелочно[стью], мстительностью, лживостью, властолюбием, эгоизмом, слащавым ухаживанием за 82-летним старцем, покой которого она охраняет только в отношении сна и сварения желудка, но которого неустанно оскорбляет в отношении его верований, убеждений и привязанностей. Чего только она не выкидывает! На днях съездила в Ясную и там устроила молебен с водосвятием. Б[ыл] приглашен священник, который кропил святой водой кабинет и спальню Л. Н.¹⁶ В настоящее время все ее усилия направлены на то, чтобы заставить Л. Н. уехать отсюда. Домогается она этого по той будто бы причине, что у нее есть занятия в Ясной (новое издательство сочинений Л. Н.), а что жить в Ясной без Л. Н. она будто не может, до того она тоскует без него. И это, я думаю, как это ни странно, а отчасти и правда. Он же пока не поддается и собирается уехать тогда, когда захочет этого он сам. Ведет он себя с ней спокойно, достойно, но, по-моему, слишком показывает ей ту любовь, которой в сущности у него нет, но которая